

Научная статья

УДК 811.111'42+070:332.122:338.45(470.55)

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10916

ЧЕЛЯБИНСК И ЧЕЛЯБИНЦЫ: МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ НАРРАТИВЕ

Светлана Леонидовна Кушнерук¹, Ольга Александровна Самиева²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ Svetlana_kush@mail.ru, ORCID 0000-0003-4447-4606

² samieva.olga@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2440-2533

Аннотация. В статье рассматриваются особенности когнитивно-дискурсивного миромоделирования, отражающего смыслопроизводство о крупном российском городе Челябинске и его жителях, в журналистском нарративе. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения концептуально-информационных моделей действительности, которые представляют жизнедеятельность стратегически значимого субъекта как элемента глобального социума с позиций представителя американской культуры. Общая цель заключается в анализе механизмов миромоделирования и конкретизируется задачей систематизацией фреймов как интерпретационных схем, предопределяющих представления о городе, горожанах, городских сообществах и общественно значимых проблемах в журналистском нарративе. Исследование выполнено с опорой на положения, доказанные в зарубежной и отечественной дискурсологии, когнитивной лингвистике и теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Журналистский нарратив изучается в аспекте интерпретации социальных вопросов города в контексте политических изменений в России последнего десятилетия двадцатого века и начала нынешнего столетия. Авторы применяют общенаучные методы наблюдения, описания, интерпретации, классификации, моделирования, методы дискурсивного и фреймового анализа, а также метод контекстуального анализа. Материалом для анализа послужили 674 контекста, отобранные методом сплошной выборки из книги корреспондента американских СМИ Энн Гэррелс «Putin Country: A Journey Into the Real Russia», которая не переводилась на русский язык. Авторы уточняют понятие репрезентационной структуры и используют его для характеристики текстового мира как ментально-языковой единицы, организующей смыслы в журналистском нарративе. Доказывается, что определяющее значение для миромоделирования играют фреймы, которые задают векторы осмысления городской жизни и моделируют урбанистическую панораму. Выделены три ключевых фрейма, формирующих взгляд на Челябинск «со стороны». Установлен макрофрейм. Обосновано, что подведение под суперординату является основным приёмом миромоделирования. Исследование вносит вклад в медиалингвистику, филологическую урбанистику, дискурсологию. Его результаты могут использоваться для разработки основ защиты от информационных угроз в интересах России.

Ключевые слова: медиалингвистика, миромоделирование, фрейм, Челябинск, промышленный город, американская журналистика, журналистика нарратива

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022.

Для цитирования: Кушнерук С. Л., Самиева О. А. Челябинск и челябинцы: миромоделирование в американском журналистском нарративе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 122—132. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10916.

Original article

CHELYABINSK AND THE RESIDENTS: WORLD-MODELLING IN THE AMERICAN JOURNALISTIC NARRATIVE

Svetlana L. Kushneruk¹, Olga A. Samieva²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ Svetlana_kush@mail.ru, ORCID 0000-0003-4447-4606

² samieva.olga@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2440-2533

© Кушнерук С. Л., Самиева О. А., 2022

Abstract. The article deals with the peculiarities of cognitive and discursive world-modeling, which reflects sense-making about the large Russian city of Chelyabinsk and its residents, in a journalistic narrative. The paper relevance lies in the necessity of studying conceptual and informational models of reality, which represent life activity of strategically important subject as an element of global society from the viewpoint of American culture representative. The overall goal is to analyze the mechanisms of world-modeling and is specified by the purpose of systematization of frames as interpretative schemes, which predetermine ideas about the city, residents, urban communities and socially significant problems in the journalistic narrative. The study is based on the statements proven in foreign and domestic discourse studies, cognitive linguistics and the theory of cognitive and discursive world-modeling. Journalistic narrative is studied within the aspect of interpretation of the city social issues in the context of political changes in Russia of the last twenty century decade and the beginning of the present century. The authors apply general scientific methods of observation, description, interpretation, classification, modeling, methods of discourse and frame analysis, and the method of contextual analysis. The analyzed material comprises 674 contexts, selected by continuous sampling method from the American media correspondent Anne Garrels's book "Putin Country: A Journey Into the Real Russia", which has not been translated into Russian yet. The authors clarify the concept of representational structure and use it to characterize the textual world as a mental and linguistic unit that organizes meanings in the journalistic narrative. It is proved that frames, which set the vectors of comprehension of urban life and model the urban panorama, play a decisive role in world-modeling. The authors distinguish three key frames, which form the view of Chelyabinsk "from the outside". The macroframe is specified. It is substantiated that the superordinate is the main technique of world-modeling. The study makes a contribution to medially linguistics, philological urbanistics and discourse studies. Its results can be used to develop a foundation for protecting against information threats within the national interests of Russia.

Keywords: media linguistics, world-modelling, frame, Chelyabinsk, industrial city, American media, narrative journalism

Acknowledgments. This research was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of CSU 2022.

For citation: Kushneruk SL, Samieva OA. Chelyabinsk and the residents: world-modelling in the American journalistic narrative. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2022;(9(467):122-132. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10901.

Введение

В последнее десятилетие роль зарубежных медиа, формирующих представления о крупном российском промышленном городе Челябинске как элементе системы глобального социума, значительна возросла. Согласно статистике, область попала в десятку рейтинга восприятия регионов РФ англоязычными СМИ в период с 2011 по 2020 год [<https://up74.ru/articles/news/93956/>]. Специалисты констатируют выраженный рост интереса зарубежных журналистов к Южному Уралу и его ресурсам [<https://chelyabinsk.bezformata.com/listnews/uprominaemosti-v-zarubezhnih-smi/92371549/>].

Открытость современной цивилизации обеспечивает возможности изучения миромоделирования в иноязычных СМИ с целью установления концептуально-информационных моделей действительности, которые представляют фрагменты жизни российского города и формируют «взгляд со стороны». Настоящее исследование направлено на изучение особенностей репрезентации стратегически важного для страны города Челябинска зарубежными журналистами. Цель исследования заключается в анализе механизмов когнитивно-дискурсивного миромоделирования, которое от-

ражает особенности смыслопроизводства о городе-миллионнике. Частная задача — систематизация фреймов, формирующих представления о Челябинске, его жителях и качестве городской жизни в американском журналистском нарративе.

Материалы и методы

Когнитивно-дискурсивная парадигма современного языкознания даёт возможность эффективно сочетать разные методы и методики для изучения роли когнитивных, прагматических и иных факторов в конструировании социальной реальности. В таком ракурсе журналистский нарратив рассматривается в аспекте интерпретации общественно-значимых проблем Челябинска, возникающих в социально-культурных и политических условиях последнего двадцатилетия.

Материалом для анализа послужила книга корреспондента американских СМИ Энн Гэррелс «Putin Country: A Journey Into the Real Russia» (Страна Путина: путешествие в настоящую Россию). Все цитаты приводятся по изданию [12], которое не было переведено на русский язык. Такой выбор не случаен. Э. Гэррелс начала посещать Челябинск в 1990-е гг. с целью изучить жизнь

людей «новой России», проживающих далеко от столицы. Регулярные визиты и погружение в повседневность южно-уральского города позволили автору представить локальную урбанистическую картину в рамках журналистского нарратива и проследить тенденции изменения Челябинска на стреле времени.

Исследование особенностей миромоделирования предполагает интеграцию современных методов, каждый из которых служит достижению поставленной цели. В дополнение к общенаучным методам наблюдения, описания, интерпретации, классификации и моделирования производится дискурсивный анализ, способствующий выявлению корреляций между структурами значения и разнотипными структурами выражения (по Т. А. ван Дейку) с учётом широкого спектра контекстуальных факторов. Метод контекстуального анализа используется для изучения значений языковых форм в лексикографических источниках и их синтагматических отношениях в текстовой ткани нарратива. Фреймовый анализ обеспечивает возможность систематизации интерпретационных схем, активируемых автором для оказания прагматического воздействия на читателей.

Фреймы выделялись индуктивно [9. С. 53], то есть на основе непосредственного анализа ключевых лексических единиц *Chelyabinsk, city, people, resident, women, men* и контекстуального окружения. Макрофрейм был определён с учётом типологии А. Бойдстан [8]. Общее количество проанализированных контекстов — 674. Моделирование архитектоники текстового мира журналистского нарратива проводилось с учётом концептуальной сложности фреймов и возможности их разграничения на макрофреймы, фреймы, субфреймы, слоты. Детализация фреймов в слотовой части связана с тем, что американский автор-журналист фокусирует внимание на таких фрагментах городской жизни, которые, с её точки зрения, заслуживают внимания.

Результаты исследования и обсуждение

Понятие миромоделирования разрабатывается в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых фактов. В широком смысле оно обозначает структурирование представлений о действительности в дискурсе, приводящее к образованию репрезентационных структур. Основаниями для его разработки послужили работы зарубежных и отечественных учёных, которые обращаются к вопросам моделирования ментально-языковых структур и их роли в объективации

фрагментов реальности. Диапазон наиболее значимых посылок настоящего исследования формируют следующие публикации [1; 6; 7; 16; 18; 19]. Системный характер исследования обеспечивается опорой на положения, доказанные в дискурсологии и когнитивной лингвистике.

В теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования под *репрезентационными структурами* понимаются ментальные конструкты разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления фрагментов «вещного мира» в коммуникативном контексте, накладывающем определённые ограничения на процессы смыслопорождения [4].

В европейской научной традиции они обозначены как дискурсивный мир (*discourse-world*) и текстовый мир (*text-world*). Многие подчёркивают их противопоставленность друг другу и одновременно возможность пересечения и полного совпадения (например, непосредственная беседа между членами семьи или коллегами в офисе) [15].

Дискурсивный мир профилируется относительно базы «реального мира», его нередко приравнивают к ситуационному контексту вокруг речевого события между взаимодействующими участниками, а текстовый мир рассматривается как концептуальный сценарий, представляющий сиюминутное положение дел [18. С. 83].

Отличие от этой трактовки, уходящей к «узкому» пониманию дискурса, мы полагаем, что дискурсивный мир является многокомпонентной ментальной структурой, которая объективируется и моделируется на основе широкой совокупности разнообразных в жанровом отношении текстов, объединённых в тематическом, коммуникативно-прагматическом и/или функционально-целевом планах. Дискурсивные миры соотносятся с концептуальным глобальным значением, индуцируемым типологически разными средствами текстуальности.

Текстовые миры являются ментальными проекциями второго уровня, активируемыми речевыми произведениями в пределах дискурсивного мира. Обсуждаемые репрезентационные структуры организованы по принципу «матрёшки», то есть в более объёмном концептуальном поле дискурсивного мира обозримы «вложенные» элементы, отвечающие за детализацию, — текстовые миры. Это не единичные репрезентации, но множества ментальных конструктов, в которых персонажи и их свойства отобраны автором для выделения аспектов реальности и представления интерпретаций положения дел.

В настоящей работе текстовые миры рассматриваются как модели дискурсного понимания, представляющие собой проекции жизни российского промышленного города Челябинска в сюжетно-событийных формах журналистского нарратива. Журналистский нарратив — «семиотическая репрезентация», или форма журналистского повествования, которая представляет упорядоченную серию событий (с участием реальных лиц), обладающих временной и причинной связью и разворачивающихся при определённых обстоятельствах [2; 17]. Журналистский нарратив — это одновременно и форма репрезентации реальности, и способ её конструирования.

В традиционном понимании СМИ информируют, создают повестку дня и, описывая явления, направляют внимание читателей. Журналистский нарратив не столько воспроизводит события, сколько задаёт векторы их осмысления, что часто достигается приданием эмоциональной окраски [2]. Читатель воспринимает реальный мир через текстовые миры авторской журналистики.

При этом определяющее значение имеет комбинация фреймовых структур разной степени концептуальной сложности, выделяющих и детализирующих общественно-значимые вопросы городской жизни. Важную роль играет взаимодействие фреймов как опорных элементов текстового мира журналистского нарратива. При этом мы разделяем идеи социального конструкционизма (П. Бергера, Т. Лукмана) о том, что явления действительности особым образом «оформляются», или фреймируются в целях репрезентации социальной реальности.

Фрейм определяется как «принцип отбора, выделения и представления информации» [10], «концептуальный инструмент», используя который индивиды и СМИ «упаковывают» информацию для аудитории [16], «центральная организующая идея для осмысления соответствующих событий» [13. С. 3]; средства, при помощи которых медийная информация упорядочивается, предлагается и интерпретируется [14]. Фреймы — это «организующие принципы, которые разделяются обществом и сохраняются с течением времени, которые символически работают, чтобы осмысленно структурировать социальный мир» [11. С. 11]. Это определение лежит в основе настоящего исследования.

Исследование позволило установить фреймовые структуры, которые организуют текстовый мир журналистского нарратива и представляют взгляд представителя американской культуры

на жизнь и быт «типичного российского города» (*a typical Russian city*).

Урбанистическая панорама, создаваемая американской журналисткой, формирует объёмное видение южноуральского города. Фреймы «приглашают» читателя думать о Челябинске в пределах оценок, которые задают схемы интерпретации в аспектах общей характеристики города как его визитной карточки, городской инфраструктуры, отношений между жителями, функционирования городских сообществ, а также качества жизни челябинцев в целом.

Фрейм **Город** параметризует облик Челябинска по ряду признаков. Общее представление о нём формируется благодаря государственной принадлежности (*the Russian city of Chelyabinsk*), территориальной характеристике по отношению к столице (*a thousand miles east of Moscow*), размеру области (*the size of Austria*), расположению на окраине Уральских гор (*sits on the southern edge of the Ural Mountains*), статусу провинции (*provincial cities like Chelyabinsk*), степени загрязнённости (*Chelyabinsk's pollution history*), составу населения преимущественно из этнических русских (*The city of Chelyabinsk is predominantly ethnic Russian*), заводскому и архитектурному наследию Советского времени (*Chelyabinsk's biggest problem is its legacy of huge Soviet plants; white-brick houses from Soviet times*).

Челябинск является военно-промышленным центром (*the military-industrial hub of Chelyabinsk*) и ядерным оплотом страны (*a military-industrial nuclear stronghold*). Закладывается ассоциация угрюмого и мрачного заводского региона (*gritty industrial region, gloomy factories*), что, как представляется, одновременно высвечивает такие качества, как твёрдость и выносливость людей. Лексема *'stronghold'* имеет семы 'укреплённое место', 'место безопасности' [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/stronghold>].

Представление о Челябинске как цитадели России также формируется благодаря участию *Танкограда* (*proudly known as Tankograd*) в Великой Отечественной войне (*The Great Patriotic War*), чем жители гордятся по сей день. Город находился в центре военных усилий (*Chelyabinsk was at the center of the war effort*), поскольку обеспечивал вооружением Советскую армию. Деятельность челябинских заводов и рабочих предопределила «триумфальную» победу над гитлеровцами (*Chelyabinsk's factories and workers played a huge part in that triumph*). Безоговорочное одобрение и неоспоримость вклада челябинцев в мир без фашизма,

актуализируемое за счёт семантики лексемы *triumph*: 'a notable success', 'the joy or exultation of victory or success' [https://www.merriam-webster.com/dictionary/triumph], свидетельствует о том, что автор признаёт значительные успехи нашей страны в победе над «коричневой чумой». Это особенно важно для предотвращения попыток «переписать» мировую историю в настоящее время.

Динамика изменения Челябинска в текстовом мире нарратива устанавливается за счёт смены временных координат, обозначенных конкретными датами или указаниями на промежуток истории. Дейксис определяет круг наиболее значимых для города периодов.

В XIX веке Челябинск стал центром торговли и точкой сопряжения Российской империи и Китая (*Chelyabinsk became a trading center that connected the expanding Russian Empire and China*). Большое внимание уделяется городу в 1990-е гг., что вполне ожидаемо, поскольку в 1993 году Э. Гэррелс начала изучать специфику «новой независимой России» и дала собственные оценки происходящему.

С течением времени репутация города меняется. В этом отношении показательны оценочные средства с негативной семантикой, которую задают лексемы 'decline', 'hit', 'desperate', 'dependent', 'depressing', обнаруженные в контекстах о жизни мегаполиса. Состояние России в 1991–1995 гг. сравнивается с периодом Великой депрессии в США и характеризуется как упадок (*decline*), который сильнее всего «ударил» по таким городам, как Челябинск (*hit hardest in cities like Chelyabinsk*), что проявилось в безработице, беспорядках и дефиците.

В 1990—1993 гг. Челябинск был депрессивным местом (*a depressing place*), а состояние горожан было похоже на эмоциональный коктейль из отчаяния, надежды и страха, попеременно охватывающих людей как реакция на политические изменения в Москве (*people were alternately desperate, hopeful, and fearful as changes emanated from Moscow*). Период низкой экономической активности продолжался несколько лет. Очередной «удар» пришёлся на 1998 год из-за дефолта. Отмечается, что город, находящийся в большой зависимости от устаревших, перегруженных персоналом заводов, серьёзно пострадал (*dependent on out-of-date, overstaffed factories, was hit hard again*). Устойчивое выражение *hit hard* актуализирует семантику 'to be affected badly: to be harmed' и намеренно используется для метафоризации и укрепления идеи о сильном отрицательном воздействии политических инициатив на отдалённый от столицы город.

На смену резко негативным оценкам состояния миллионника в «лихие девяностые» приходят нейтральные и позитивные квалификации. Немногим более, чем через десять лет работы Президента В. Путина, как пишет Гэррелс, центр города стал неузнаваемым (*the center of Chelyabinsk is unrecognizable*). Лексема *unrecognizable* коннотирует преобразование некогда бесцветного и запущенного места (*transformed the once colorless, run-down area*), что утверждает позитивные перемены в облике города. Благоприятному впечатлению о Челябинске 2012 года способствует эпитет *dramatic*, передающий семантику разительных изменений. Ср.: *Chelyabinsk is no longer a Soviet city, cut off from the world, and the changes it's seen in such a short time are dramatic. Many of those changes are for the better*. Автор подчёркивает, что это уже не советский город, который ассоциируется с «отрезанностью» от мира. Многие преобразования меняют жизнь горожан к лучшему.

Фрейм **Жители города** направляет фокус внимания на людей, с которыми автору приходилось встречаться. Обобщённый образ формируют представители разного рода профессий, занятий, религиозных конфессий — рабочие (*factory workers*), владельцы магазинов (*shopkeepers*), бизнесмены (*successful businessmen*), сутенёры и проститутки (*pimps and prostitutes*), учителя, врачи, сотрудники социальных служб (*teachers, doctors, and social workers*); христиане и мусульмане (*Christians and Muslims*); правозащитники и лидеры общественных организаций (*human rights activists and leaders of civic groups*).

По национальной принадлежности, как пишет автор, челябинцы главным образом этнические русские (*Chelyabinsk is predominantly ethnic Russian*). За пределами города расположены татарские и башкирские деревни (*indigenous Tatar and Bashkir villages*). В сельской местности также проживает большое число людей с немецкими корнями (*They were of German descent, like many in Chelyabinsk's villages*).

В 1990-х гг. выявляется кризис идентичности россиян. Ср.: *Crudely put, Russians face an identity crisis over where their country fits into the overall global scheme*. Это, по мнению американки, связано с попыткой страны вписаться в общую глобальную схему. В этот период разочарование европейскими и американскими ценностями растёт: россияне не хотят быть «жалкой копией Запада» (*a poor copy of the West*) и начинают искать «свою» русскую идентичность (*began searching for a distinctly Russian identity*).

Подведение под суперординату является основным приёмом миромоделирования в избранном нарративе, то есть зависимости между явлениями устанавливаются на основе гиперо-гипонимических отношений, или родовидовой концептуальной общности понятий. Он реализуется через регулярную активацию концептуальной пары **Челябинцы — Россияне**, а также концептуальных оппозиций **Россия — Запад** и **Россия — Советский Союз**, что позволяет автору прибегать к генерализации и экстраполировать субъективные оценки на широкий круг лиц, событий и явлений.

Ср.: *Over the past ten years, Russians are on average living a little longer, drinking themselves to death less frequently, killing themselves less often, and killing each other more rarely, but the statistics still aren't great in global terms.* В приведённом контексте отмечено, что продолжительность жизни россиян в среднем немного увеличилась, они реже убивают себя и друг друга. Но, по признанию журналиста, статистика по-прежнему невелика в глобальном масштабе. Усиленное синтаксическим параллелизмом, сравнение в сочетаниях *'a little longer', 'less frequently', 'less often', 'more rarely'*, обнажает предвзятость авторского видения благодаря внедрению семантики неопределённости: выделены объекты сравнения (*living, drinking themselves to death, killing themselves, killing each other*), но не назван стандарт сравнения (то, с чем сравнивается). Предшествующее состояние имплицуется.

Показатель смертности россиян сопоставляется с западными странами. Ср.: *Twenty-five percent of Russian men die before the age of fifty-five, compared with 7 percent in most Western countries, and researchers cite alcohol as a key reason.* Подчёркивается, что двадцать пять процентов российских мужчин не доживают до пятидесяти пяти лет по сравнению с семью процентами в большинстве западных стран. Главной причиной этого назван алкоголь.

Субфрейм **Женщины** транслирует представление о челябинках и создаёт общий портрет россиянок. Характеристика внешнего вида сводится к тому, что это стильные женщины (*stylish Russian women*), гуляющие по булыжной мостовой на десятисантиметровых каблуках (*effortlessly stroll the cobblestones in four-inch heels*), демонстрирующие и без того длинные ноги (*which make their already long legs seem endless*). При этом акцентируется, что они одеты в одежду западного производства (*Western apparel*).

По наблюдениям над жителями Челябинска, россиянки мало похожи на своих матерей, которые, как пишет Гэррелс, метались между работой, очередями и кухней, а к сорока годам казались старыми и измученными. Ср.: *Today's Russian women typically look little like their mothers, who shuttled between work, food lines, and the kitchen and appeared old and exhausted by forty.*

Однако они, как и прежде, несут два бремени — работу и заботу о семье, часто в невыносимых условиях (*the double burden of working and taking care of the family, often under impossible conditions*). Лексема *'burden'* имеет смы *'duty', 'responsibility', 'something oppressive or worrisome'* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/burden>]. Её актуализация укрепляет идею о долге, ответственности, которые вызывают беспокойство и чувство угнетённости. Русские женщины говорят о своей выносливости со смесью гордости и негодования: *Russian women talk about their endurance with a mixture of pride and resentment.*

Женщины метафорически представлены жертвами отношений с противоположным полом или экономического кризиса. Риторические средства опредмечивают образ молодых, привлекательных, образованных матерей-одиночек, брошенных мужьями-алкоголиками: *young, attractive, educated single mothers abandoned by drunken husbands or victims of the economic crisis.*

Лексема *'victim'* имеет значение *'one that is subjected to oppression, hardship, or mistreatment'* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/victim>]. Профилируются семантические параметры, которые характеризуют женщин как подверженных угнетению, лишениям и жестокому обращению.

Идея жертвенности женщин объёмно раскрывается системой средств. В ряде случаев механизмом фреймирования выступает цитата, принадлежащая участнику интервью. Это позволяет автору моделировать картину реальности, апеллируя к «объективным» мнениям горожан без открытого представления собственной позиции. Так, в одном из контекстов высказывается сочувствие женщинам, которые не могут найти партнёра по причине демографического перевеса и общей проблемы алкоголизма. Ср.: *"The poor women <...> there are more women than men, and it's really hard to find a good man here given the high rates of alcoholism"*.

Показательно, что в такой ситуации россиянки ищут утешение в русской бане (*The best place for women to talk about their lives is the Russian banya*), некоторые — в «тусовках» с американскими мужчинами. Ср.: *In 1997, dozens of women from across*

the country, including Chelyabinsk, turned up for a **'get-together' with American men at Moscow's Rossiya Hotel**. В 1990-е гг. появляется понятие «оживлённой» торговли русскими невестами (*there was a brisk trade in Russian brides*). Объективируется концептуальная оппозиция *русские мужчины* — *американские мужчины*, в которой вторые рассматриваются как идеальные партнёры (*Russian women thought American men would be ideal partners*).

Другая концептуальная оппозиция как триггер обсуждаемого фрейма противопоставляет женщин и мужчин по уровню дохода и вскрывает проблему гендерной дискриминации. Заработная плата женщин значительно уступает оплате труда мужчин (*Women's salaries still lag way behind men's*). Многие женщины вынуждены работать неофициально, чтобы их работодателю не приходилось платить отпуск по беременности и родам и отчислять средства на социальное обеспечение. Ср.: *Many women are forced to work off the books so their employer won't have to pay maternity leave and social security taxes*. Одной из характерных черт поведения работодателей является практика «отсеивания» будущих матерей (*weed out prospective mothers*).

На этом фоне, по мнению автора, непросто найти женщин, которые могли бы сказать много хорошего о русских мужчинах. Ср.: *It's hard to find women who have much good to say about Russian men*. Это выводит на первый план проблему взаимоотношений между полами и причины неблагополучия, увиденные американкой в поведении русских мужчин.

Субфрейм *Мужчины* моделируется на основе дескрипций и эмоционально-оценочных контекстов, объединённых общим денотатом.

Даётся характеристика внешнего вида «успешных» мужчин: в черных рубашках и черных галстуках в сопровождении девиц, которые всё время молчат (*men in black shirts and black ties, accompanied by babes who never said a word*). Это напоминает сцену из плохого гангстерского фильма (*looked as if they had just walked out of a bad gangster movie*). Опора на символические смыслы о жанре криминального фильма, а также эпитет *'bad'* активизирует негативную оценку и усиливает семантику организованной преступной деятельности, ассоциируемой с состоятельными челябинцами. Американка подмечает черту российских бизнесменов 1990-х по-быстрому заработать денег и ничего не делать: *Russian men are cursed by the belief they should make a quick million or do nothing at all*.

Как заключает Гэррелс, непьющие мужья — большая удача российских женщин. Ср.: *They [women] are among the lucky ones because their husbands don't drink, and are finally making decent money*. Моделируется неприглядный образ российского мужчины, страдающего от алкоголизма. Женщины, кому довелось жить с трезвыми и хорошо зарабатывающими супругами, оказываются «среди счастливиц».

Объяснение того, что мужчины оказались слабее женщин, нужно искать в Советском времени. Ср.: *... the legacy of the Soviet Union's demise has left men a lot weaker than women to this day*. Аллюзия к распаду Советского Союза призвана выявить причину, которая видится в истощённом генофонде страны (*the country's depleted gene pool*): много мужчин было убито во время революции, гражданской войны, чисток, а затем Второй мировой войны.

Субфрейм *Семья* обнаруживает амбивалентность авторских оценок социального явления и параллели с американскими реалиями. В городе (2013 г.) есть состоятельные семьи (*well-heeled families*), которые проживают в больших домах, расположенных в фешенебельных загородных коттеджных посёлках (*large houses in Chelyabinsk's new suburbs; the city's upscale gated communities*).

На этом благополучном фоне высвечивается ещё одна социальная проблема, связанная с тем, что материально обеспеченные горожане, или растущие, стабильные российские семьи (*expanding, stable Russian families*) вынуждены обращаться за медицинской помощью в США, например при рождении детей.

Алкоголизм назван основной причиной разводов. Ср.: *Alcoholism remains the bane of Russian family life, a major factor in a divorce rate that is now number one in the world*. Отрицательная эмоционально-оценочная квалификация достигается благодаря метафоре «проклятье». Риторическая сила метафоры раскрывается за счёт сем *'a source of harm or ruin', 'death', 'destruction', 'woe'*, организующих лексему *'bane'*. Зависимость от употребления алкоголя наносит вред, разрушает, приносит бедствие и горе российским семьям.

Обсуждая социальное явление как один из аспектов жизни челябинцев и россиян, автор выходит на более широкий уровень обобщения и выражает критику российской власти. Это достигается за счёт иронии, основанной на противоречии между тем, что эксплицируется, и тем, что на самом деле подразумевается. Ср.: *«Family values» is the ever-repeated mantra coming from President Putin, though he has himself divorced*.

Раскрывая механизм иронии, обратим внимание на такой орфографический знак, как кавычки, которыми оформлено словосочетание «семейные ценности» («*Family values*»). В данном случае семантика кавычек производит полемический эффект, то есть автор выражает несогласие с утверждением, заключённым в словосочетании, и имплицитно, что на самом деле это не так. Культивация одобряемых в обществе представлений о семье метафорически сравнивается с мантрой (*ever-repeated mantra*), которую постоянно повторяет президент как священное заклинание. Указание на то, что глава государства пережил развод усиливает прагматический потенциал метафоры и свидетельствует в пользу критического отношения журналиста.

Фрейм **Городские сообщества** включает осмысление и оценку существующих объединений горожан на основе религиозных взглядов, как официальных, так и неофициальных, а также сексуальной идентичности жителей.

Субфрейм **Религиозные сообщества** генерирует смыслы о существующих в Челябинске групп людей, исповедующих и практикующих разные религии при доминанте христианского вероучения.

Причины этого видятся в советских репрессиях на религиозной почве. Ср.: **Repression of religion was more draconian than in many other places. Though Soviet law dictated that each confession have one place of worship in each community, Chelyabinsk was left with only one Orthodox church.**

В рамках стратегии предикации репрессии названы «драконовскими». Лексема ‘*draconian*’ передаёт семантику ‘*cruel*’, ‘*severe*’ [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/draconian>] и насыщает концептуальное пространство текстового мира признаками жестокости, беспощадности, суровости. Хотя советский закон предписывал многоконфессиональность, в Челябинске осталась только одна православная церковь. Поднимается проблема религиозной дискриминации. Ср.: *the country's four «traditional» religions—Islam, Judaism, Buddhism, and the Orthodox, with the Orthodox Church fighting for and winning distinct advantages.... Other confessions, regardless of how long they have existed in Russia, have often faced outright discrimination.*

Религиозная жизнь в Челябинской области признаётся «удивительно разнообразной» (*surprisingly diverse*). В 1993 г. из четырёх известных (традиционных) религий — ислам, иудаизм, буддизм и православие — преимущество имеет Православная Церковь. Другие конфессии сталкиваются с «откровенной» дискриминацией. Катехизис

Православной Церкви провозглашает ее превосходство над другими религиями. Ср.: *the catechism of the Orthodox Church declares its supremacy over all other religions.*

Вместе с тем подчёркивается, что мусульмане переживают культурное и религиозное возрождение (*Muslims are experiencing a cultural and religious revival*). Состояние исламской религии в Челябинске передаётся метафорой ренессанса (*the Muslim renaissance in Chelyabinsk*), что акцентирует период активности, интеллектуального и духовного преобразования, связанного с вопросами религиозной идентичности.

Подчёркнуто «плохое отношение» государства (*the state's poor treatment of so-called nontraditional religions*) к так называемым нетрадиционным религиям (*evangelical churches*) и другим неформальным объединениям, например квир-культуре (от англ. *queer culture*), или культуре секс-меньшинств.

Субфрейм **ЛГБТ-сообщество** направляет читателя на восприятие формы субкультуры как разновидности социального протеста против традиционных представлений о недопустимости однополых связей, которая в 1990-е годы имела своих представителей в Челябинске (*gay activist, lesbian*).

Гей-культура, как пишет Гэррелс, вышла из подполья (*emerged from the underground*). По её мнению, челябинские представители «поразительно» хороши собой (*strikingly good-looking*) в отличие от многих российских мужчин (*unlike many Russian men*).

Противопоставление, основанное на том, что представители гей-культуры привлекательны, а традиционалисты — нет, существует как ментальная схема в американском обществе, но неприемлемо в России, поскольку закон (*antigay legislation*) запрещает пропаганду гомосексуализма. Э. Гэррелс констатирует, что в обществе их порицают, избивают (*beating up gays*), они живут в страхе (*gay men are afraid to be seen publicly*), а движение за права геев подавляется (*suppress homosexuality*). Такая ситуация, как считает автор, коренится в советском прошлом, когда однополые отношения были вне закона и карались тюремным заключением на срок до пяти лет. Ср.: *Same-sex intercourse was illegal in the Soviet Union and remained punishable by up to five years in prison.*

Признавая, что в Челябинске существует активная ЛГБТ-жизнь, автор высказывает мнение, что она «отнюдь не такая яркая и открытая, как хотелось бы». Ср.: *There is an active LGBT life in Chelyabinsk, though it's by no means as vibrant or as open*

as one might wish. Оценки имеют характер осуждения российских мер в отношении геев. Они вместе с тем формируют частное мнение журналиста как представителя западной культуры и ценностей.

Заключение

В данной статье особенности миромоделирования в нарративе исследуются на основе систематизации концептуальных структур, которые отражают репрезентацию жизни Челябинска и челябинцев в 1990-е гг. Взгляд на мегаполис представителя американской культуры формирует перспективу «извне», что позволяет сделать заключение о том, как видят россиян со стороны, и что становится особенно приметным в глазах опытного зарубежного журналиста.

Фреймы как активируемые интерпретационные схемы структурируют текстовый мир нарратива и выводят на первый план макрофрейм КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. Его генерация основана на системе представлений об инфраструктуре города, его территориально-географических и ресурсных особенностях, этническом и конфессиональном составе, а также исторической роли города в советское время.

Опорными элементами, конституирующими макрофрейм, являются фреймы **Город**, **Жители города**, **Городские сообщества**. Каждый из них имеет субфреймы и детализируется в слотовой части, что выявляет особенности авторской «диагностики» и разъяснения вопросов городской политики сквозь призму рефлексии о жизни в России в целом.

Используемые приёмы авторского миромоделирования формируют сложный механизм, позволяющий транслировать суждения и оценки. В текстовом мире нарратива на регулярной основе засвидетельствована актуализация прямого значения ключевых слов и метафорического значения единиц, соотносимых с общим денотатом. Оценочная квалификация явлений городской жизни преимущественно осуществляется за счёт экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики и в большей мере отражает критическое осмысление автором российской действительности.

Установлено, что **подведение под супероднату** является основным приёмом миромоделирования, который реализуется благодаря активации концептуальной пары *Челябинск — Россия*, а также концептуальных оппозиций *Россия — Запад* и *Россия — Советский Союз*. Аккумуляция соответствующих смыслов в текстовом мире нарратива возможна благодаря эксплицитной и имплицитной оценке явлений и городских событий, в том числе через актуализацию универсальных символов, прецедентных феноменов и сравнение с реалиями родной для автора страны.

Дальнейшее изучение миромоделирования в зарубежной журналистике способно внести вклад в развитие отечественных дискурсивных исследований и медиалингвистики с учётом качества «внешней» перспективы, накладываемой на презентацию событий и явлений в России, и быть полезным для разработки основ защиты от информационных угроз в интересах нашей страны.

Список источников

1. Интерпретация мира в языке: колл. моногр. / под ред. Н. А. Бесединой, Н. Н. Болдырева. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2017. 450 с.
2. Качанов Д. Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Меди@льманах. 2021. № 3 (104). С. 20—29.
3. Кушнерук С. Л. Закон и порядок как социальная проблема в дискурсе городского издания // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 1. С. 33—48.
4. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 48 с.
5. Медийная репрезентация социальных проблем городов-побратимов: моногр. / Н. Г. Асмус, М. С. Журкова, Л. П. Ковальчук [и др.]; под ред. С. Л. Кушнерук, Н. С. Олизько. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 237 с.
6. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров: моногр. М.: Эдитус, 2019. 190 с.
7. Огнева Е. А., Гламазда С. Н. Концепция контекстной поляризации: моногр. М.: Эдитус, 2021. 232 с.
8. Boydston A. E., Card D., Gross J. H., Resnik P., Smith N. A. Tracking the development of media frames within and across policy issues. Working Paper. 2014. 25 p. URL: <http://www.cs.cmu.edu/~nasmith/papers/boydstun+card+gross+resnik+smith.apsal4.pdf>

9. De Vreese C. News framing: Theory and typology // *Information Design Journal + Document Design*. 2005, № 13 (1). P. 51—62.
10. Entman R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // *Journal of Communication*. 1993, № 43 (4). P. 51—58.
11. Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world / ed. by S. D. Reese, O. Gandy, Jr., A. Grant. Routledge, 2001.
12. Garrels, A. Putin Country: A Journey Into the Real Russia. Picador; Farrar, Straus and Giroux, 2016.
13. Gamson W, Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear war: A constructionist approach // *American Journal of Sociology*. 1989. No 95 (1). P. 1—37.
14. Pan Z., Kosicki G. M. Framing analysis: an approach to news discourse // *Political communication*, 1993, № 10 (1). P. 55—75.
15. Tincheva N. Discourse world-profiling expressions: Contrasting data from British and Bulgarian political speeches // *Language Close Up*. Sofia: Sofia University Press, 2018. P. 297—317.
16. Van Gorp B. The constructionist approach to framing: Bringing culture back in // *Journal of communication*, 2007, № 57 (1). P. 60—78.
17. Vanoost M. Defining Narrative Journalism Through the Concept of Plot // *Diegesis*. 2013. No 2 (2). P. 77—97.
18. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999.
19. World Building: Discourse in the Mind / ed. by J. Gavins, E. Lahey. Bloomsbury, 2016.

References

1. Besedina NA, Boldyrev NN (eds.). World Interpretation in Language. Tambov: Tambov State University after named GI Derzhavin; 2017. 450 p. (In Russ.).
2. Kachanov DG. Multimedia Journalistic Narrative: Toward a Definition of the Concept. *Medi@lmanakh = Medi@lmanah*. 2021;(3(104):20-29. (In Russ.).
3. Kushneruk SL. Law and Order as a Social Problem in the Discourse of Urban Publishing. *Nauchnyy resulyat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki = Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics*. 2021;7(1):33-48. (In Russ.).
4. Kushneruk SL. Kognitivno-diskursivnoye miromodelirovaniye v britanskoy i rossiyskoy kommercheskoy reklame = Cognitive and Discursive World-Modeling in British and Russian Commercial Advertising. Abstrakt of thesis. Ekaterinburg; 2016. 48 p. (In Russ.).
5. Asmus NG, Zhurkova MS, Kovalchuk LP et al. Mediynaya reprezentatsiya sotsial'nykh problem gorodov-pobratimov = Media Representation of the Social Problems of the Sister Cities. Chelybinsk: Chelyab. State University Publ.; 2021. 237 p. (In Russ.).
6. Ogneva EA. Kontsepty-dominanty kak informativnyye konstrukty tekstovykh mirov = Dominant Concepts as Informative Constructs of Text Worlds. Moscow: Editus; 2019. 190 p. (In Russ.).
7. Ogneva EA, Glamazda SN. Kontseptsiya kontekstnoy polyarizatsii = The Concept of Contextual Polarization. Moscow: Editus; 2021. 232 p. (In Russ.).
8. Boydston AE, Card D, Gross JH, Resnik P, Smith NA. Tracking the development of media frames within and across policy issues. Working Paper; 2014. 25 p. Available from: <http://www.cs.cmu.edu/~nasmith/papers/boydstun+card+gross+resnik+smith.apsa14.pdf>
9. De Vreese C. News framing: Theory and typology. *Information Design Journal + Document Design*. 2005;(13(1):51-62.
10. Entman RM. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993;(43(4):51-58.
11. Reese SD, Gandy O, Jr., Grant A (eds.). Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world. Routledge; 2001.
12. Garrels A. Putin Country: A Journey Into the Real Russia. Picador; Farrar, Straus and Giroux; 2016.
13. Gamson W, Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear war: A constructionist approach. *American Journal of Sociology*. 1989;(95(1):1-37.
14. Pan Z, Kosicki GM. Framing analysis: an approach to news discourse. *Political communication*. 1993;(10(1):55-75.

15. Tincheva N. Discourse world-profiling expressions: Contrasting data from British and Bulgarian political speeches. In: *Language Close Up*. Sofia: Sofia University Press; 2018. Pp. 297—317.
16. Van Gorp B. The constructionist approach to framing: Bringing culture back in. *Journal of communication*. 2007;(57(1):60-78.
17. Vanoost M. Defining Narrative Journalism Through the Concept of Plot. *Diegesis*. 2013;(2(2):77-97.
18. Werth P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman; 1999.
19. Gavins J, Lahey E (eds.). *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury; 2016.

Информация об авторах

С. Л. Кушнерук — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка.

О. А. Самиева — магистрант.

Information about the authors

Svetlana L. Kushneruk — Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of the Theory and Practice of the English language.

Olga A. Samieva — Master Student.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 24.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: Кушнерук С. Л. — разработка теоретических основ исследования, практический анализ; Самиева О. А. — сбор и классификация материала для исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Kushneruk S. L. — theoretical foundation of the research, practical analysis; Samieva O. A. — collection and classification of research material.

The authors declare no conflicts of interests.